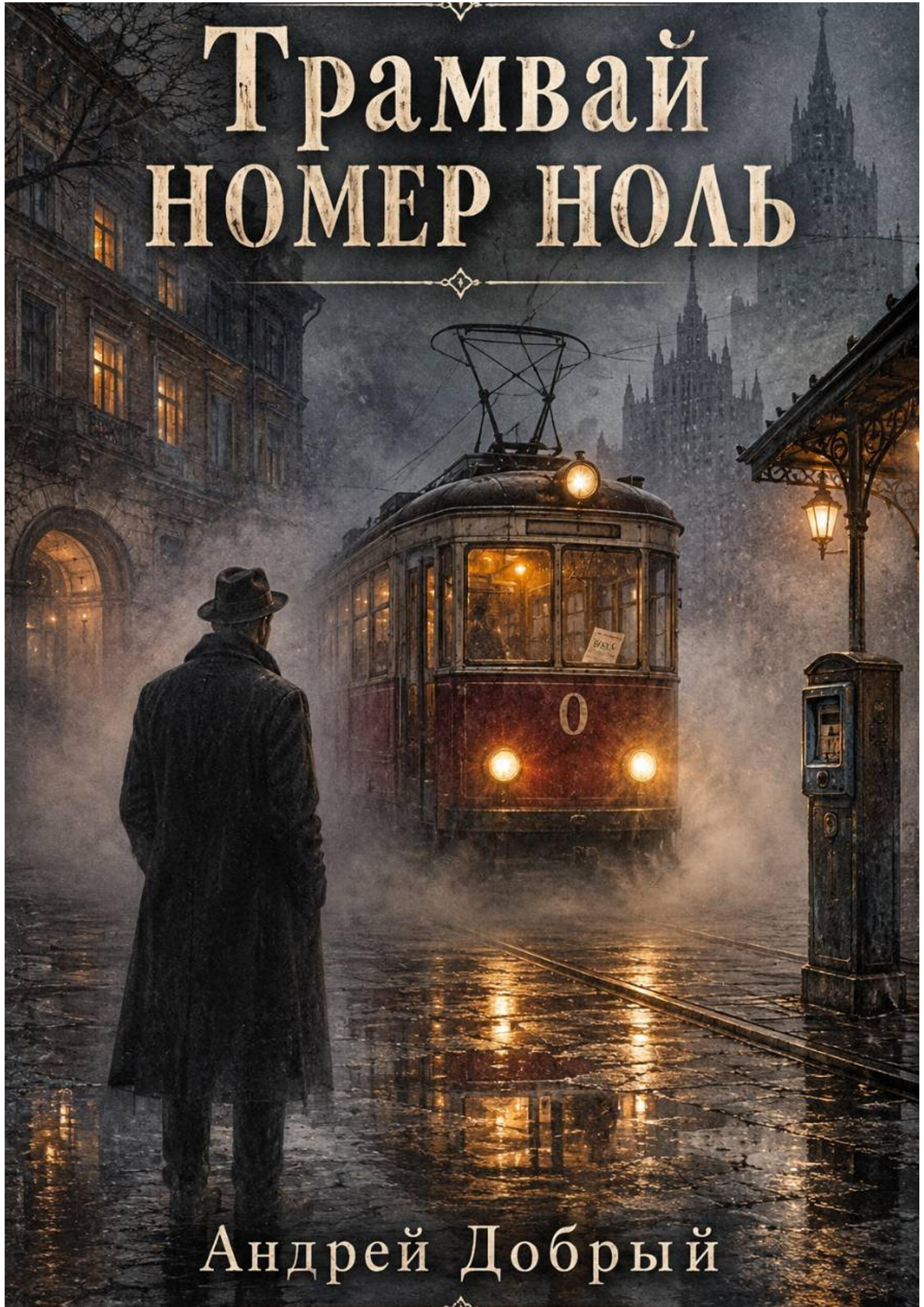
Трамвай
номер ноль
0
Андрей Добрый

Андрей Добрый

Трамвай номер ноль

«Автор»
2026

Добрый А.

Трамвай номер ноль / А. Добрый — «Автор», 2026

Однажды вечером, возвращаясь домой, обычный москвич садится в старый трамвай с необычным номером — ноль. В салоне всего несколько пассажиров, а кондуктор не принимает деньги. Плата за проезд — то, что пассажир готов отдать. Первый билет лишает героя воспоминания из детства. Следующий может стоить гораздо дороже.Трамвай движется по Москве, которой не существует ни на одной карте. Здесь соседствуют разные времена, знакомые улицы ведут в незнакомые места, а выбраться из поездки оказывается не так просто. Чтобы вернуться домой, герою придётся решить, чем он готов пожертвовать. И понять, что именно делает человека самим собой.

© Добрый А., 2026
© Автор, 2026

Андрей Добрый
Трамвай номер ноль

Туман в Москве — вещь редкая и потому особенно обидная. Он не украшает город, как в книжках, не превращает фонари в романтические огоньки и не заставляет прохожих задумчиво останавливаться посреди улицы. Он просто забирает у города расстояние. Дома становятся ближе, чем должны быть, машины возникают из белёсой пелены почти перед самым капотом, а люди проходят мимо, не поднимая глаз. Фонари горят мутно, словно стекло у них давно никто не протирал.

В тот вечер я вышел из метро «Бауманская» и некоторое время стоял у входа, пытаясь решить, куда идти дальше. Вообще-то мне следовало ехать домой. Там ждал недоделанный отчёт, в холодильнике лежала половина вчерашней курицы, а на кухонном столе уже третью неделю стояла коробка с новым смесителем. Старый подтекал, но я всё никак не находил времени его поменять. Вернее, находил, только каждый раз находилось дело поважнее.

День выдался длинным. На работе спорили из-за цифр, потом начальник попросил переделать таблицу, которую сам же утром одобрил. Вечером позвонил знакомый, с которым мы давно собирались встретиться, и полчаса рассказывал о своих проблемах. Я слушал, время от времени вставляя подходящие слова, хотя к концу разговора уже не мог вспомнить, с чего всё началось.

Домой ехать не хотелось. Не было никакой особенной причины. Просто предстояло снова открыть дверь, бросить ключи на тумбочку, разогреть ужин и провести остаток вечера так, словно это не моя жизнь, а какая-то временная остановка между делами.

Я пошёл куда глаза глядят, а глаза, как выяснилось, глядели в сторону трамвайных путей.

Остановка стояла у края небольшого парка. Деревья уже сбросили листья, и мокрые ветки торчали над дорожками, похожие на спутанные провода. На столбе висела табличка с номером маршрута — тридцать седьмой. Я посмотрел на неё, потом на рельсы, уходившие в туман.

Я не помнил, чтобы здесь ходили трамваи. Район знал плохо, но всё-таки достаточно, чтобы удивиться. Впрочем, после недавней перестройки улиц в Москве можно было обнаружить что угодно. Иногда даже собственный дом оказывался не там, где ты привык его искать.

На остановке никого не было. Я мог вернуться в метро, вызвать такси или просто пойти пешком до ближайшего кафе. Вместо этого сел на мокрую скамейку и стал смотреть на рельсы. Они блестели в свете фонаря, а между шпалами набилась тёмная вода.

Наверное, я ждал трамвай. Сам не знал зачем. Иногда человеку достаточно сесть на остановке и решить, что следующие десять минут за него что-то решит расписание.

Туман за деревьями пошевелился. Сначала я увидел красное пятно, затем различил два тусклых огня и услышал скрип колёс. Звук был неприятный, протяжный, похожий на то, что в большом пустом помещении медленно двигают тяжёлый шкаф.

Из тумана появился старый трамвай.

Он был квадратный, с потемневшей красной краской и мутными окнами. Такие я помнил по детству, хотя этот выглядел старше всех, которые мне доводилось видеть. На переднем стекле, где обычно размещают номер маршрута, горела одна цифра:

0

Я невольно усмехнулся. Номер был настолько нелепым, что даже раздражение на минуту отступило. Я хотел достать телефон и сфотографировать трамвай, но передумал. Какая-то мелочь остановила меня: то ли не хотелось объяснять знакомым, зачем я снимаю старую развалину, то ли я просто устал от необходимости всё кому-нибудь показывать.

Трамвай остановился напротив скамейки. Двери разошлись почти бесшумно. Я ещё раз посмотрел на номер маршрута, затем поднялся и вошёл.

В салоне, под потолком горели жёлтые лампы, на полу темнели следы от обуви. Сиденья были обиты коричневым дерматином, местами протёртым до ниток. В одном углу висело объявление о правилах перевозки пассажиров, отпечатанное на пожелтевшем листе. Шрифт был старый, с характерными широкими буквами.

Пассажиров было трое, не считая меня. Женщина в тёмном пальто сидела у окна и держала на коленях большую сумку. Она то и дело поправляла ручки, хотя те и без того лежали ровно. Напротив неё молодой парень в капюшоне смотрел на улицу. Рядом со мной устроился пожилой мужчина с газетой. Газета была сложена вчетверо, но мужчина держал её так, словно собирался прочитать, стоило только найти нужную страницу.

Кондуктор стоял возле средней двери. На нём была тёмная форменная куртка с блестящими пуговицами и фуражка. Лицо самое обыкновенное: чуть обвисшие щёки, аккуратно подстриженные усы, усталые глаза. Такого человека можно было встретить в бухгалтерии районной поликлиники или в конторе какого-нибудь склада. Он производил впечатление служащего, который давно привык к своей работе и не любит, когда его отвлекают от обязанностей.

— Проходите, пожалуйста, — сказал он. — Не задерживайте.

Я прошёл к нему и полез за кошельком. Потом вспомнил, что обычно расплачиваюсь картой, и достал телефон.

— Сколько за проезд?

Кондуктор посмотрел на экран моего телефона, затем на меня.

— Деньги не берём.

— Тогда что, оплата по карте?

— Я же сказал: деньги не берём. Ни в каком виде.

— А что берёте?

Он открыл небольшую сумку, висевшую у него на боку, и вынул билет. Плотная бумага, слегка шершавая на ощупь. Такие билеты продавали в автоматах, когда я был ребёнком. Рядом с кондуктором висел старый компостер с металлической ручкой.

— То, что вам легче всего отдать, — ответил он.

Я посмотрел на билет. Потом на него.

— Вы серьёзно?

— Совершенно.

— И что это значит?

— Возьмите билет. Остальное станет понятно.

Он протянул бумажку, и я машинально взял её. На ней не было ни даты, ни номера маршрута, ни стоимости. Только одно слово, напечатанное чёрными буквами:

ВКУС

Я нахмурился. Слово показалось знакомым, хотя ничего особенного в нём не было.

— Это какая-то акция? — спросил я. — Или вы таким образом шутите с пассажирами?

— Билет нужно пробить.

Я вставил его в компостер. Ручка опустилась с сухим щелчком.

И тут я понял, что больше не помню вкус лимонада из детства.

Не того, который продают сейчас в пластиковых бутылках, а старого, стеклянного, из киоска возле нашего дома. Я помнил бутылку с узким горлышком, капли воды на холодном стекле, шипение, когда отец открывал крышку. Помнил, как после прогулки мы сидели на бордюре, а я старался не пролить напиток на рубашку. Помнил даже, что лимонад был каким-то особенным, не похожим на нынешний. Но стоило попытаться представить его вкус, как память упиралась в пустоту.

— Что вы сделали? — спросил я.

Кондуктор забрал компостер и убрал его на место.

— Ничего. Билет пробит.

— Я не помню вкус лимонада. Вы понимаете, о чём я говорю?

— Понимаю.

— Это вы сейчас хотите сказать, что я за проезд расплатился воспоминанием?

— Вы сами выбрали билет.

— Я ничего не выбирал.

— Вы его взяли.

Он говорил без издёвки. Даже не пытался меня убедить. Просто сообщал, как сотрудник кассы объясняет, что сдачи нет.

Я хотел потребовать вернуть всё обратно, но вдруг обнаружил, что не могу толком сформулировать, чего именно требую. Лимонад? Воспоминание? Как можно вернуть вкус, если ты уже не помнишь, каким он был? И почему я вообще должен был считать это важным? Напиток, который я последний раз пробовал лет тридцать назад, вряд ли заслуживал скандала.

— Садитесь, — сказал кондуктор. — Поедем.

Я выбрал место у окна, подальше от женщины с сумкой. Трамвай дёрнулся и медленно тронулся с остановки.

За стеклом проплыли деревья, мокрый асфальт, закрытый ларёк и несколько домов. Первое время всё выглядело вполне обычно. Только улицы почему-то казались шире, чем я их помнил, а светофоры попадались на перекрёстках, где их раньше не было. Я решил, что просто плохо ориентируюсь в этой части города.

На следующей улице мы проехали мимо аптеки. Над дверью висела зелёная вывеска, а под ней мелкими буквами было написано: «Вход со двора». Я посмотрел на здание. Там, насколько я знал, находился магазин бытовой техники. Правда, я не заходил туда уже несколько лет.

Трамвай повернул, и за окном появились старые дома с арками. Некоторые фасады я узнавал, другие выглядели непривычно. В одном месте вместо современного торгового центра стояло низкое кирпичное здание с заколоченными окнами. На углу работала булочная, хотя я был уверен, что её закрыли ещё до пандемии.

— Простите, — обратился я к кондуктору. — Мы куда едем?

— По маршруту.

— Это я вижу. Какой район?

— Вам нужно выйти на конечной.

— А где она?

Кондуктор поправил фуражку.

— Когда приедем, узнаете.

Я хотел продолжить расспросы, но рядом зашевелился старик с газетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.